

— Теперь власть будет наша!

Так начал совещание оставшихся офицеров начальник штаба дивизии, гвардии полковник Попов Юрий Юрьевич.

— Наведем в стране порядок!

Офицеров штаба дивизии на зимних квартирах осталось немного. Вся Тульская десантура во главе с генерал-лейтенантом Лебедем (находящимся в те дни в отпуске в Туле, будучи заместителем чего-то там Командующего ВДВ) выдвинулась в Москву. Не за песнями, ясное дело, не за пенсиями. Зачем? Брать власть в свои руки? Наконец-то! Дождались! Надоел этот бардак в стране! За Державу обидно!

О том и говорил Юрий Юрьевич на первом совещании в первый день, как оказалось, грандиозного фарса и мошенничества.

Поведал он нам также о том, что Лебедь всем оставшимся передает привет и держит руку на пульсе. Еще немножко, еще чуть-чуть... и власть будет наша. Военных власть!

На том и разошлись по кабинетам. На ночевку. С заряженными пистолетами под подушкой... Днем? Днем, пожалуйста, сдай пистолет дежурному и свободно выходи в город. Оставь телефон на всякий случай, где можно будет найти, в крайней необходимости. За три дня никого так телефонными звонками не вызывали. За ненадобностью.

Оставшиеся войска продолжали заниматься повседневной текущей. Лишь ночью нас будоражили какие-то вопли из «матюгальников» в проезжающих мимо штаба машин. И все.

На второй день, второй день ГКЧП, опять ровно в 18.00 начальник штаба (педант невероятный: никогда никуда не опаздывал ни на секунду, умнейший офицер, пример честности и порядочности) начинает совещание. И опять Юрий Юрьевич передает привет от Лебеда. Что у них там, в стольном граде, все идет по плану. Еще бросок — и мы у власти.

Хорошо! Отлично!

На третий день... На третий день ровно в 18.00 начальника штаба в тактическом классе, где собрались офицеры, нет. Нет его через семь («дипломатическое время») минут. Нет через пятнадцать («театральное время») минут. Нет и через полчаса!

Кому необходимо — выступили с трибуны. Идет непринужденный офицерский треп, рассказываются анекдоты.

Время школьного учебного урока — сорок пять минут — прошло.— Попова нет!

Кто-то на свой транзистор ловит «чужой» голос. Все ошарашены: «Что он несет? Этот гадюшник? Какую ересь порет?» — «Не может быть!» — «Чтобы Лебедь? Наш Лебедь!» — «Предал? Сдал? Нас с потрохами! То есть, с батальоном десанта перешел на сторону Ельцина!...»

В этот момент в тактический класс входит Попов, вернее, тень от Попова. Серая, враз осунувшаяся тень эталона настоящего русского Офицера.

— Звонил Лебедь! Просил не считать его предателем! — гробовую тишину прервал тусклый с осипшим надрывом голос Попова.— Всем сдать оружие и по домам!

Хотите продолжение этой истории?

Пожалуйста...

На четвертый день войска возвратились на места постоянной дислокации. Утром пятого дня (отсчет от начала бездарного ГКЧП) в кабинет начмеда входит старший прапорщик (когда писались эти строки, я связался с ним, рассказал то, о чем пишу, и он просил меня не называть его фамилию), зная, что в нашем сейфе всегда имеются в наличии

реанимационные средства.

Между первой и второй восстановительными дозами он рассказывает о событиях минувшей ночи. Рассказывает о том, что буквально выносил (! — может, чуточку и приврал) из кабинета того-то и того-то (просил также не упоминать их фамилий), и... Лебеда, который, дескать, плакал и говорил, что его все считают предателем, но хотя бы ты, Петро, не считай его таким...

Этому старшему прапорщику я полностью доверяю. Служил вместе с ним еще с одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Когда он пришел в Армию восемнадцатилетним солдатом...

Вот и все... Весь сказ о ГКЧП... как я его помню, как на дальних подступах к Москве о нем помнят десантники-туляки...